

В. Б. КОЛОСОВА
(Санкт-Петербург)

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ТРАВЫ

Классифицирующая роль оппозиции по признаку «мужской/женский» уже была продемонстрирована на примере других лексико-семантических групп: музыкальных инструментов [Цивьян 1991], деревьев и дней недели [Толстой 1995] и др. При этом разделение объектов на мужские и женские — частный случай более общего процесса антропоморфизации, свойственной традиционной культуре вообще. В данной статье речь пойдет о том, какие признаки растения могут дать традиционной культуре стимул для наделения его мужским или женским «полом» и для его последующего использования на этом основании.

Нередко отнесение предмета к мужской или женской сфере поддерживается грамматическим родом его названия; для растений естественным образом маркером «женственности» становится также способность цвести и плодоносить: «є женське, а є мужчинське зілля. Мужчинське не цвіте, а женське з квітками» [Болтарович 1994, 81]. Это свойство растений считалось возможным передать людям: «Пуповину нужно перевязывать прядивом — “матиркою”, а не “плосконьо”, так как в последнем случае ребенок, выросши, будет бесплодным или бездетным (Волын.)» [Беньковский 1904, 3]. У сербов невеста, не желающая иметь детей, брала с собой на венчание мужские растения конопли без семян [СД 3, 315]. То же касалось и животных: «Кто хочет навсегда охолостить какое-нибудь животное, т. е. лишить его плодородия, тот должен собрать в полночь поскони (мужская пыльниковая конопля) и отваром ее напоить животное» [Никифоровский 1879, 184]. Смешение же мужского и женского считалось опасным: «у словаков конопля, цветущая одновременно мужскими и женскими цветками, называлась *svetereé* (букв. ‘яркая, страшная’), ее тщательно отбирали и

выбрасывали, так как верили, что если хоть одно волоконец из нее попадет в полотно, то человек, который будет носить белье из этого полотна, утопитя (з.-словац.)» [СД 3, 312].

Однако более интересными нам представляются случаи, когда мужскими или женскими считаются экземпляры однодомных растений.

Цвет. Тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L. может именоваться *женский тысячелистник* либо *мужской тысячелистник*: «Это тысячелистник. Розовый — мужской, а белый — женский» [Арьянова 2007, 155]; более темная окраска обычно связывается с мужским полом: «Женский белый. Ну, наверно женщина посветлей, так и называли» [Там же]. Однако возможен и противоположный вариант: «Мужской цветет сбела, а женский — с розова» [Там же]. В таком случае цвет соотносится с конкретным расстройством, от которого применяется лекарственное растение: «“Вот он если розовый светочки — это женский, а если в белый — то уже мужской. <...> Когда сильна менструаца, он помогает хорошо” (Ср. Приобье)» [Арьянова 2007, 157]. Тот же принцип может привести и к обратному распределению цветов. Различали два вида растения горец почечуйный *Polygonum persicaria* L.: «мужской — с розоватыми цветами и потому даваемый ... при геморрое, и женский — с белыми цветами, даваемый при остановившихся регулах» [Демич 1889, 13—14]. Потемневший прошлогодний клубень ятрышника и молодой, более светлый, воспринимались как «муж» и «жена» [Харитонов 1848, 15]¹.

¹ Та же тенденция наблюдается и в названиях комнатных растений. Так, колокольчик ломкий *Campanula fragilis* Cyrill. (с белыми цветами) получил названия *невеста* (Лен.), *невестка* (Перм.), *девичья красота*, *невеста*, *невестка* (Ср. Приобье); похожий на него внешне, но с синей окраской цветов колокольчик равнолистный *Campanula isophylla* Moget. назывался *жених* [Арьянова 2006, 128]; также сообщение С. Королевой из переписки с автором. Интересно, что в полевой записи информант неверно называет цвет растения, но отмечает более темный цвет как мужской: «“А вот это жених. Он как вроде красным цветет. Так он жених и называется. Он темный” (Том.)» [Там же].

В Сургутском крае «рубашку после месячных очищений вымывают в корыте и поганую воду выливают в подполье, под передний угол. Потом эту ямочку прикрывают горшком, а через три месяца смотрят: если под горшком появится цветок, то будут дети, если вырастет белый цветок, то первый ребенок будет дочь, а если синий или голубой, то — сын» [Русские дети 2006, 130]. Сочетание двух цветов в окраске фиалки, марьянника и некоторых других растений дало повод для образования многочисленных фитонимов типа *иван-да-марья*, *брат-сестра* и т. д., причем синий цвет устойчиво ассоциируется с братом, а желтый — с сестрой (подробнее см. [Колосова 2005]).

Видова трава 'очный цвет полевой *Anagallis arvensis L.*', ритуальный сбор которой был приурочен ко дню св. Вида (*Видов ден*) в Сербии и западной Болгарии, также могла быть мужской и женской: у первой — синие, у второй — розовые цветки. Ее отваром лечили плохое зрение и слепоту, а гадающие надеялись «увидеть лицо будущего супруга или супруги» [Иванова 2002, 160; Попов 2004, 134]. К сожалению, о привязке конкретной разновидности травы к полу больного или гадающего не сообщается, но логично предположить, что она соответствует распределению цветов.

Форма. Обычно растения получают принадлежность к мужской или женской сфере в силу сходства некоторых своих органов с частями тела, характерными для мужчин либо женщин. Так, польский фитоним *panna-baba* 'шитовник мужской *Polystichum Filix mas. Roth.*' обусловлен, вероятно, тем, что корень этого папоротника сплетен, как женская коса; форма обусловила и применение: на листьях папоротника спят, чтобы избавиться от колтуна [Rokossowska 1889, 185]. Резуха *Arabis agreposa* носит название пол. *panieńczone włosy*, так как «по отцветании околоплодники резухи закручиваются, как волосы у девушки (паненки)» [Усачева 2000, 263], ср. также *девичья коса* (Дон.) 'ячменник стелющийся' [Брылина, Кудряшова 2003, 272], болг. *вилена коса* 'повилика тимьянная *Cuscuta epithimum L.*' [Ахтаров 1939, 321].

Форма растения может вызывать ассоциации и с персонажами мужского пола: укр. *борода чортова* 'ластоень *Vincetoxicum officinale L.*' [Булашев 1909, 349]. Ср. также: «шнурообразные, тонко разделенные листовые пазухи являются основной причиной создания целого ряда метафорических названий, основой которых является сема "нить", а концептуализациями — "волосы", "борода", "ус" с различными определениями в разных языках», в частности, болг. *мустачки* (букв. 'усы') 'чернушка полевая *Nigella arvensis L.*' [Калезич 2008]. Вейник узколистный *Calamagrostis neglecta* с колосками в виде метелок называют *архиерейская метла*: «"Архиерейска метла, наверно, что груба дак, да ишло на бороду похожа" (Полевск.)» [Коновалова 2000, 21].

В польской народной медицине различали два вида растения бутень душистый *Chaerophyllum aromaticum* — мужской и женский (*gers* и *gerszyca*); одним пользовались для лечения мужчин, другим — женщин и детей. Оба растения похожи, но *gerszyca* отличается мохнатыми листьями [Rostafiński 1904, 12].

Корни ятрышника с «отростками наподобие пальцев» воспринимались как мужские, а «в виде сердца, без отростков» — как женские. Настойку смеси таких корней давали выпить поровну «парубкови й дивчыни» как любовный эликсир [Хатемкин 1900, 8—9].

Отдельные части растения выпуклой или вытянутой формы обычно служат причиной их отнесения к сфере мужского: *женская пижма*, *мужская пижма* 'пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare L.*' («"От пижма. Она есть женская и мужская. У женской пижмы ямочка [на соцветии], а у этой выпученная така" (Том.)» [Арьянова 2007, 79—80]); *надсадная трава* 'вероника беловойлочная *Veronica incana L.*' («"Мужская и женская, женская так, а мужская стрелками" (Яшк. Кемер.)» [Там же, 49]). Та же особенность растения тайник овальный *Listera ovata* (србх. *обзев*) послужила основанием для сербского любовного гадания: *обзев* имеет два листочка с колосом (мужской) и без колоса (женский); вечером накануне первой среды после новолуния, «предназначив» *мушки об-*

зев юноше, которого любит, девушка скрепляет одно и другое растение медом и оставляет их на ночь: если листочки не разделятся, она выйдет замуж за желанного юношу (Лесковацкая Моравия) [Чајкановић 1985, 305—306].

Растения, чьи органы напоминают по форме гениталии, имеют соответствующие названия, например: *ребячы медушки* ‘*Satyrium L.*’; србх. *попова муда* ‘берресклет европейский *Evonymus europaeus L.*’; болг. диал. *момински срам, мъжко срамниче*, србх. *стидак, срамак* ‘дикая морковь’ [Анненков 1876, 142, 316; СД 3, 301]. Целый ряд растений фигурирует в загадках с эротическим подтекстом. Эти растения могут восприниматься как мужские или женские — виноград, кукуруза, огурец, инжир, фасоль, тыква, хотя некоторые воспринимаются как амбивалентные — паприка, капуста, грецкий орех [Сикимић 1996].

Растения с корнями клубневидной формы использовались в любовной магии и в магии плодородия. Особую роль среди них играет ятрышник. При различиях в диалектных номинациях его использование очень сходно. Например, ятрышник широколистный *Orchis latifolia L.*, «по народным представлениям, является растением, возбуждающим любовь и способствующим увеличению половой силы <...> у гущулов с помощью ятрышника лечили от мужской слабости» [Потанин 1899, 233; Зеленин 1995, 343]. По корню этого растения молодые женщины гадали о поле будущего ребенка: длинный корень предвещал мальчика, а круглый — девочку [Кедрина 1912, 102, 108].

Ятрышник болотный *Orchis palustris Jacq.* получил название *красные султанчики*; «им приписывают свойство возбуждения половых органов» [Августинович 1853, 50]. Другое название этого растения — *любка*: «Некоторые особенности в устройстве корня этого растения дали повод употреблять его как средство заставить полюбить друг друга. Корень бывает двоякий: оканчивающийся отростками наподобие пальцев (мужской пол) и просто в виде сердца, без отростков (женский). Нужно накопать таких корней, высушить, настоять на водке и дать выпить “па-

рубкови й дивчыни” поровну, приговаривая: “Любылыся въ лисныхъ лугахъ ціи цвиточки, и вы, диточки, въ своихъ хатахъ любиться, якъ ціи цвиточки въ лугахъ”» [Хатемкин 1900, 8—9]; см. также [Носаль М., Носаль I. 1960, 84]. Схожие свойства приписывались растениям рода *Orchis* и в чешской народной культуре [Machek 1954, 299].

В Калужской губернии, «если где-нибудь жена с мужем живут не в ладу, мужа поят настоем этого корня», причем черный корень обозначал мужа, а белый — жену² [Кедрина 1912, 107—108]. Об использовании ятрышника пятнистого *Orchis maculata L.* в любовной магии свидетельствует и Н. И. Анненков: «Крестьянки ворожеи дают корень носить с собою, дабы другие люббили, и особенно замужним женщинам при несогласии с мужьями» [Анненков 1876, 233]. Очевидно, также к одному из орхидных относится «спис[анный] с травеник[а] без всякой перемены» в Архангельской губернии отрывок о траве *кукуша*, у которой «корень на двое: один муж, а другой жена. Когда муж жену не любит, дай пить жёночке, а жена мужа не любит, дай пить мужичку, станет любить женочка» [Харитонов 1848, 15]³.

Из современной польской экспедиционной записи из Билгорая следует, что «...зернышко ржи — это лицо пана Иисуса, а пшеницы — лицо Богоматери, которое можно различить в зернышке. [Потому что] пан Иисус продолговатый, и у ржи зернышко такое длинное, а Богоматерь более такая округлая — это пшеничка такая» [Adamowski 1995, 173—174].

Можно предположить, что различием в форме вызвано и восприятие некоторых растений как парных: так, у белорусов Понеманья черноголовка обыкновенная *Prunella vulgaris* называлась *станоўнік мужыцкі* и, соответственно, ею лечили «розныя мужчынскія хваробы», а женщинам его использовать было нельзя.

² Растения семейства орхидных обладают клубневидным корнем, причем прошлогодний сгнивающий корень соседствует с крепким молодым.

³ Подробнее о ятрышнике в славянской культуре см. [Колосова 2007].

Напротив, *станоўнік кабецін* ‘колокольчик скученный *Campanula glomerata*’ лечил только женщин [Ажешка 2000, 479] (соцветия черноголовки вытянуты и расположены вертикально, а цветы колокольчика имеют полую, закрытую форму).

Общий внешний вид, вызывающий определенные ассоциации. Фитонимы могут основываться на представлениях о нормативных чертах мужского или женского характера, поведения, внешности: *девичья травка* ‘гвоздика-травянка *Dianthus deltoides*’ (Ирб.) («Цветочки скромненьки, а таки баски» [Коновалова 2000, 70]); болг. *момина сълза* ‘ландыш майский *Convallaria majalis*’, ‘маргаритка многолетняя *Bellis perennis* L.’, ‘трясунка средняя *Briza media* L.’, ‘незабудка болотная *Myosotis palustris* With.’, ‘вероника *Veronica triphyllos* L.’ [Ахтаров 1939, 32, 454]; *бабы сплетни* ‘вика лесная *Vicia sylvatica*’ («Обвиват все собой, вот и бабы сплетни» (Красноур.)» [Коновалова 2000, 23]). Василек фригийский *Centaurea phrygia* получил название по внешнему виду («Дедовник, потому что на верхушечке как бы головки седеньки» (Ирб.)» [Там же, 72]); но на мотивацию названия могло параллельно повлиять и примененные растения: «стары от серса пьют, от бессонницы» (Каменск.); ср. также: *бабы румяна* ‘бодяга (?)’ («Имя шшоки терешкают для румянцу» (Асб.); *бабья трава* ‘змееголовник тимьянкоцветковый *Dracoscephalum thymiflorum*’ («применяется как противовоспалительное средство при женских болезнях» — «от бабьих болестей» (Туринск.) [Там же, 22, 23, 72]). В фитониме *бабы слёзы* ‘клевер горный *Trifolium montanum*’ (Челяб.) отдельные слова не могут быть интерпретированы сами по себе, а смысл имеет лишь устойчивое сочетание целиком, характеризующее поведение женщин: «Если в букет добавишь, вянут быстро, недолго стоят, как бабы слезы недолги» [Коновалова 2000, 22]. Интересны в этом контексте два антонимичных фитонима — пол. *męska stałość* («мужское постоянство») и *panieńska stałość* («женское постоянство»), — относящиеся к одному и тому же растению, одуванчику [Мул 1999,

113], и отражающие взаимные стереотипы двух групп.

Конечно, нередки случаи, когда мотивация названия остается затемненной, например: *муженёк* ‘подмаренник настоящий *Galium verum* L.’ (Сарат.); *мужик-корень* ‘молочай *Euphorbia Pallasii* Turcz.’ (Забайкал.); *мужичок* ‘ясменник красильный *Asperula tinctoria* L.’ (Ворон.), ‘подмаренник настоящий *Galium verum* L.’ (Тамб.), ‘полынь лечебная *Artemisia abrotanum* L.’ (б. м.) [Анненков 1876, 152; СРНГ 18, 333—334] и многие другие.

В единичной записи растение осмысливается как мужское или женское на основании оппозиции «правый/левый»: «Согласно народным поверьям, есть мужской и женский *брей* [‘тамус обыкновенный *Tamus communis* L.’]: мужской вьется направо, а женский — налево» [Ахтаров 1939, 290].

Время. Бел. *babie lato* ‘иван-чай *Chamaenerion*’ отражает время цветения растения — осень [Orzeszkowa 1888, 7].

Числовая символика. То или иное число не может быть однозначно соотносено с мужской или женской символикой. Так, в гадании о поле будущего ребенка (Яросл. губ.) два отростка на клубне ятрышника обещали девочку, три — мальчика [Архангельский 1853, 59]. Однако значение чисел могло быть и другим, как в следующем примере из Полесья: для лечения больного ребенка надо было выкопать определенный экземпляр растения («Оце коров’як є, шо два стеблі з одного виходить, а є — шо одне. Одне стебло, то на дівку, а як дві стеблі — то на хлопця» [Колодюк 2006, 102]).

Применение в народной медицине. По этому принципу различаются, например, растения *бабий переполох/девичий переполох* ‘колючник обыкновенный *Carlina vulgaris*’ и *мужицкий переполох* ‘колючник Биберштейна *Carlina biebersteinii* (?)’. Оба они применяются от заболевания *переполох*, однако у разных пациентов: испуг от «насыльного беса», «который в образе какого-нибудь домашнего животного неожиданно появляется перед женщиной, засидевшейся за домашней работой», лечится *бабым переполохом*, заикание

у мужчин — *мужицким* [Коновалова 2000, 22, 139]. Также по использованию для лечения одинаковых заболеваний у мужчин и женщин возникли фитонимы болг. *мъжка клинава трева* ‘кровохлебка *Sanguisorba officinalis* L.’, ‘таволга обыкновенная *Spiraea filipendula* L.’ и *женска клинава трева* ‘ятрышник-дремлик *Orchis morio* L.’, лютик *Ranunculus ficaria* L.’; *мъжско клинавиче* ‘астрагал сладколистный *Astragalus glycyphyllos* L.’, ‘герань пиренейская *Geranium rupeaicum* L.’, ‘аистник цикутовый *Erodium cicutarium* L.’ и *женско клинавиче* ‘астрагал сладколистный *Astragalus glycyphyllos* L.’ Неясны мотивации противопоставления в случае таких пар фитонимов, как болг. *дядово винце* ‘яснотка белая *Lamium album* L.’ и *бабино винце* ‘герань *Geranium* L.’ [Ахтаров 1939, 193, 385, 458].

Различие между мужскими и женскими экземплярами может проводиться и по нескольким признакам одновременно. Т. Северин, цитируя труд Иеронима Спичинского (*Hieronim Spiczynski. O ziołach. Kraków, 1556*), сообщает о существовании двух видов мандрагоры — *mandragora samiec* и *mandragora samica*. «Самец» отличался беловатым оттенком зелени, приятным запахом, имел более крупные, широкие и мягкие листья, а плоды — в два раза больше, чем «самка», у которой был более темный цвет и неприятный запах [Seweryn 1948—1951, 304].

Термины родства. Мы уже упоминали такой фитоним, как *брат-сестра*, для обозначения растений с двуцветной окраской. Использование других терминов родства, как представляется, обусловлено чертами характера, которыми наделяется тот или иной родственник. Так, широко распространенный фитоним *мать-и-мачеха* ‘мать-мачеха *Tussilago farfara*’ мотивируется приписываемым родной матери и мачехе отношением к детям: «“Лопухи у ей большие, с одной стороны светлые, мягкие, с другой — темные, холодные, вот мать, а вот и мачеха” (Серовск.)» [Коновалова 2000, 132]. Болг. *зла свеќърва* ‘гравилат *Geum coccineum*’ [Ахтаров 1939, 19, 174] отражает болгарский стереотип свекрови, который соответствует рус-

скому стереотипу тещи. Показательно, что фитониму *тещин язык* (Дон.) ‘разновидность кактуса’ [Брысина, Кудряшова 2003, 273] соответствует болг. *свеќървин езикъ* ‘опунция *Opuntia vulgaris* Mill.’ [Ахтаров 1939, 222]; ср. болг. *сќървин изик* ‘кактус с удлиненными листьями’, *сќървина глава* ‘вид кактуса в виде шара с большими колючками’ [Бизеранова 2003, 43, 44], *свеќървини очи* ‘гравилат *Geum coccineum* S. S.’ [Ахтаров 1939, 373]. Болгарские фитонимы *етърва* ‘живокость полевая *Delphinium consolida* L.’, *зли етърви* ‘живокость полевая *Delphinium consolida* L.’, ‘сочевичник весенний *Orobis vernus* L.’ [Там же, 382, 394] отражают особенности строения растения: цветки повернуты «спинами» друг к другу, как ссорящиеся ятровки; по той же модели образовано и название комнатного цветка болг. *три етървь* ‘амариллис *Amaryllis*’ [Бизеранова 2003, 43]. Еще один стереотип отражается в болг. *невестина сълза* ‘*Veronica dillenii*’ [Ахтаров 1939, 32]. Болг. *булкин вѣнѣц* ‘?’ назван так по сходству цветка с «головным украшением, которое служит фатой невесты» [Бизеранова 2003, 43—44].

Большое количество фитонимов, связанных с матерью, в разных славянских традициях относится к чабрецу (тимьяну) *Thymus serpyllum* L. Латинский источник этого названия — *matris animula* — происходит из Севильи и восходит к VI в. [Henslowa 1977, 165]; тем не менее, не являясь отечественными, эти названия широко распространены у славян: пол. *macierzyszka*, чеш. *materi douška*, *materie dausska*, рус. *materduszka*, *matkina duška*, луж. *babduška* [Там же], а также бел. *мацержанка* (Гродн.), *мацердушка* (Минск.), укр. *чепчик-матерзанка*, русин. *материнка*, србх. *мајкина душица*, *материна душа*, чеш. *materi dauška* [Анненков 1876, 354—355], болг. *майчина душица*, *материна душица*, *материка*, *матерка* [Ахтаров 1939, 293], србх. *матерка*, *материнка*, *мајчина душица* [Бјелетић 1996, 90].

Сыреениуш объясняет название *macierzyszka* исходя из целебного действия растения: «Тимьян, что в сильной тошноте... и других тяжелых случаях, когда кажется, что уже душа

тело покидает, дает быструю помощь и душу, как бы убежавшую, возвращает, и становится как мать, укрепляющая силы сердечные и оживляющая тело» (цит. по: [Henslowa 1977, 165]). Очевидно, названия чабреца, первоначально переводные, действительно глубоко вошли в культуру славян, так как вторая часть названия, связанная с *душой*, стала восприниматься как обозначение душистого растения, а первая стала обозначать также и матку: так, по Фасмеру, *macierzaduszka* означает растение, которое влияет своим запахом на «*utrzymanie macicy w spokoju*»; Мошинский толкует его как «*wonne ziele maciczne*» [Там же]; Ростафинский объяснял этот фитоним так: *macierz* означает матку, а *duszka* — благовоние, *macierzaduszka* означает растение, душистый настой которого полезен для матки (цит. по: [Budziszewska 1993, 93]). Такое понимание, видимо, обусловило и применение растения: тимьян (*maciorka, maciurka*) использовали при лечении женских болезней [Szot-Radziszewska 2005, 120]; ванны с этой травой использовали замужние женщины, желающие иметь потомство (Келецкий регион) [Szot-Radziszewska 1999, 112].

Существует и ряд этиологических легенд об этом растении. По сказанию из Крушевца, *мајкина душица* выросла на могиле матери, куда дети приходили каждый день и горько плакали; однажды, вновь придя туда, они нашли очень красивый душистый цветок — это мать отозвалась на слезы своих опечаленных детей. Из-за своего происхождения цветок и получил название [Софрий 1990, 157]. Схожая легенда легла в основу номинации болг. *майчин лис* «?» [Бизеранова 2003, 43]. По словацкой легенде, это растение возникло из слез девочки-сироты, когда она ходила на могилу, чтобы оплакивать мать; есть и подобный чешский вариант [Budziszewska 1993, 93]. Ирис *Iris ruthenica* Ker.-Gawl. получил в Приобье название *мамыны слёзы* (а также *кукушечьи/кукушкины слёзки*): «Мать прокляла свою дочь, и вот она стала кукушкой. <...> И она, кукушка, кукует, а у ней ето... слёзы капают. И ето, тут синенькие листочки, а тут так беленько. Вот и зовут их кукушкины

слёзки» (Том. Том.)» [Арьянова 2006, 101—102].

Термин родства *мать* используется также в «величаниях», отмечающих особую роль того или иного растения в разных традициях: так, дербенник иволистный *Lythrum salicaria* на Урале назван *всем травам мать*: «Всем травам матери, она нечисту силу превозмогат» (Ирб.); «она надо всеми главна, лечит, кормит, хошь куды» (Североур.) [Коновалова 2000, 59]. В разных регионах Польши такой «титул» получили чернобыльник (*matka zielna*), помогающий от бесплодия [Seweryn 1947, 262], подорожник (*sičkich zielów matka*), крушина и вербейник обыкновенный *Lysimachia vulgaris* L. (*matka wszystkiego ziela*); ср. также словац. *všetkým zelinám mati* ‘лапчатка *Potentilla opaca* Koch.’ [Budziszewska 1993, 94].

Второй термин родства, широко представленный в названиях растений, — баба/бабка. Так, в русских говорах фитоним *бабка* означает подорожник средний (юго-зап.), зопник клубненосный (Курск.), различные виды шалфея (Волог., Новорос., Южн., Ворон.), шлемник колаконосный (Курск.), пастушью сумку (Олон.), кубышку желтую (Курск.), плод репейника в виде шишечки (Яросл.), белый гриб (Смол.) [СРНГ 2, 21]; в белорусских — горец (зап.-полесск.), подберезовик (повсеместно) и некоторые другие виды грибов [РС 2001, 68, 251, 253, 295]; ср. в сербском: *бабика* ‘подорожник *Plantago*’, *бабуца* ‘маргаритка *Bellis perennis*’, *банка* ‘подснежник белоснежный *Galanthus nivalis*’ [Бжелетић 1996, 90]; в словенском: *babna, babji trebuk* ‘шалфей луговой *Salvia pratensis* L.’ и др.; болг. *babka, babuch* ‘шалфей *Salvia*’ [Piškur 1965, 7, 9]. Однако некоторые растения получили подобные названия на более широкой территории. Так, к уже упомянутому выше тимьяну относятся србх. *бабина душица, бакина душица* [Чажкановић 1985, 170], словен. *babja dušica* [Piškur 1965, 9], луж. *babduška* [Henslowa 1977, 165], болг. *бабина душица* [Ахтаров 1939, 293]. Рассматриваемый корень также представлен в названиях подорожника: *баба, бабка* ‘подорожник средний *Plantago media* L.’

(юго-зап.) [Анненков 1876, 260], бел. *бабка*, *бабки* (Гродн., Вил.), *баба*, *бабка* (Гродн.) [Ганчарык 1927, 15—16], укр. *бабка* (юго-зап. диалекты). Однако более обоснованной представляется точка зрения В. Махека, который полагает, что укр. *бабка* (как и пол. *babka*, чеш. *babi list*) происходит оттого, что подорожник — наипервейшее лекарство *баб*, т. е. народных целительниц, знахарок [Machek 1954, 218]. Это мнение разделяется и другими исследователями: так, Е. Павловский приводит мнение Брюкнера: «*że leczi rany, bo baby leczą*» [Brückner 1970, 9] (цит. по: [Pawłowski 1974, 168]). Также употреблением различных трав в народной медицине объясняет М. Пишкур целый ряд славянских фитонимов с корнем *bab-* (Piškur 1965, 9). Многие растения, которые в русских говорах носят названия, образованные от корня *bab-*, также являются лекарственными [СРНГ 2, 21].

Впрочем, как это часто бывает с многозначными словами⁴, возможно соединение нескольких мотиваций; так, согласно одной из версий, фитонимы типа *maciorka*, *babicha* основаны на том, что растения используются для лечения женских заболеваний [Szot-Radziszewska 2005, 120]. Многозначность слова послужила основой для загадки: «*Jaka najstarsza trawa na świecie? — Babka*» [Folfasiński 1975, 160] (цит. по [Myl 1999, 60]).

Наконец, такие сочетания, как пол. *babie uszy* (а также *babi uch*, *babie ucho*, *babieusz*, *babyjusu*) ‘строчок обыкновенный *Gyromitra esculenta*’, реже другие виды грибов, или рус. диал. *bab'e uxo* ‘деформированный, патологически изменённый гриб’ (чаще в севернорусских говорах) [Budziszewska 1972, 117], болг. *бабино уо*, *бабино ушинць* ‘древесный гриб, похожий на ухо, *Pezeza L.*’ [Бизеранова 2003, 43], как представляется, сходны по значению с фразеологизмами *женская логика*, *девичья память* и стоят ближе к явлению ксеномотивации.

⁴ В слав. **baba* предполагают «простейший древний звукокомплекс (редупликация) с чертами древнего полисемантизма или даже пансемантизма, ввиду которого едва ли оправданы предположения об обязательной исторической иерархии всех известных значений» [ЭССЯ 1, 107—108].

Не менее велико разнообразие толкований для образований от корня *ded*, например, *ded*, *дедовник*, *дедовина*, *дедки*, укр. *did*, *d'adok*, *didovnyk*, бел. *dzed*, србх. *ded*, *djed*, *dede*, польск. диал. *dziady*, словен. *déd* ‘лопушник большой *Arctium lappa L.*’. В основу номинации мог быть положен внешний вид: «из-за колючек, которые напоминают небритую бороду старика» [Фасмер 1, 494]. А. Н. Афанасьев в духе мифологической школы пытался объяснить название *дедовник* как «трава, посвященная Деду-Перуну» [Афанасьев 1868, 415]. Видели в нем и отражение структуры семьи: «Такое деспотическое воспитание оставило по себе память в народном названии растения «дедовник» *Cirsium*, которое своими колючками кровавит руки жнецов и которое также называется татарником, мордовником и царем» [Потанин 1899, 170—171]. Есть и еще одна версия: «лопух, или репейник, называли *дедкой* потому, что существовал обычай ставить символ доброго духа — сноп этого колючего растения у ворот или дверей избы, хлеба, чтобы отогнать чужих, враждебных духов, нечистую силу...» [Лукинова 1986, 123]. Учитывая, что некоторые рефлекссы праславянского **dědъ* в славянских языках имеют значения ‘предок’, ‘домовой дух’, ‘поминки, поминовение усопших’ [ЭССЯ 4, 227—228; Słownik 1979, 121—122], такая точка зрения также вполне вероятна.

Из прочих терминов родства в фитонимах можно упомянуть *траву девяти братьев* ‘горичвет сибирский *Adonis sibiricus*’: «“Эта лигенда така есь про девить братьев, как ани в цвиты привратилися ат нищаснай любви, и стала трава называться дивити братьев” (Красноуф.)» [Коновалова 2000, 193]. Фитоним *девятитратник* ‘девясил высокий *Inula helenium*’ скорее отражает скученное расположение цветков на кисти: «Цветки как девять братьёв, вместе» (Шадр.) [Там же, 71]. Необычная очередность развития органов растения отражена в фитонимах *сын без отца*, *сын раньше отца* ‘безвременник осенний *Colchicum autumnale*’: «Плод появлятца раньше цветка, потому ево еще зовут сын без отца или сын раньше отца» (Полевск.);

«Это сын раньше отца у ево, звать-то, цветки есь, а листьев нету» [Там же, 190]. С этиологической легендой о сестре, превращенной в цикорий и ждущей на дороге возвращения брата, связаны польские фитонимы *siostrzyczka*, *królowna*, *czekanka* [Kalinowska 1949, 185]; польские названия фиалки трехцветной — *wdówki*, *macoszki*, *siostra z bratem* — связаны с легендами о сиротах, имеющих злую мачеху и превращенных в это растение [Sprólnik 1990, 98]. Остается невыясненной мотивация таких фитонимов, как болг. *tutalo* ‘сухой цветок с лиловыми цветками’ — вероятно, от *meta* ‘сестра матери’; болг. *брат* ‘можжевелик’ [Бизеранова 2003, 43], *крив дядо* ‘эритроiniu *Erythronium dens canis* L.’ [Ахтаров 1939, 417].

Еще один способ обозначить отношение растения к сфере мужского или женского — использование в его названии личного имени. Фитоним может полностью совпадать с именем. Одна из наиболее частотных в таком случае моделей — название растения по календарному празднику с использованием имени святого, чей день приблизительно совпадает со временем цветения растения. Другая модель связывает растение с характерным атрибутом святого, как, например, бел. *ключики святого Пётра і Паўла* ‘первоцвет лекарственный *Primula officinalis* Jacq.’ или *егорьево коње* ‘гвоздика-травянка *Dianthus deltoides*’. Среди персонажей библейской мифологии наибольшее количество растений «принадлежит» Богородице. В ряде случаев фитониму сопутствует этиологическая легенда, которая объясняет как сам фитоним, так и использование растения с той или иной целью. Однако эта тема более подробно рассмотрена в работах [Колосова 2008, Дубровина 1999, Родионова 2002].

Итак, растения, как и другие реалии окружающей действительности, могут считаться мужскими или женскими на основании их объективных признаков или же приписываемых им свойств, в каковых могут быть причислены форма, число или цвет различных органов растения, его использование в народной медицине, магии и пр. Будучи

основано на объективных признаках, отнесение растений к мужскому или женскому «полу» отражается в фитонимике (использование в названиях растений имен собственных, терминов родства, прилагательных «мужской» и «женский»), фольклоре (легенды о происхождении растений из персонажей мужского или женского пола), практическом применении (лечение пациентов мужского и женского пола разными растениями).

Литература

- Августинович 1853 — *Августинович Ф. М.* О дикорастущих лечебных растениях Полтавской губернии // Труды комиссии, высочайше учрежденной при императорском ун-те св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. Т. 2. Киев, 1853. С. 1—91.
- Ажешка 2000 — *Ажешка Э.* Выбранные творы. Мінск, 2000.
- Анненков 1876 — *Анненков Н.* Ботанический словарь. СПб., 1876.
- Архангельский 1853 — *Архангельский А.* Село Давшино Ярославской губернии, Пошехонского уезда // Вестник ИРГО. 1853. Ч. 7. Кн. 1—2. С. 1—80.
- Арьянова 2006 — *Арьянова В. Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1. Томск, 2006.
- Арьянова 2007 — *Арьянова В. Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 2. Томск, 2007.
- Афанасьев 1868 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Т. 2. М., 1868.
- Ахтаров 1939 — *Ахтаров Б.* Материал за български ботаничен речник. София, 1939.
- Беньковский 1904 — *Беньковский И.* Поверья и обрядность родин и крестин // Киевская старина. 1904. № 10. С. 1—3.
- Бизеранова 2003 — *Бизеранова С.* За някои фитоними в говора на Ново Село, Видинско // Растителният и животинският свят в традиционната култура на българите. Стара Загора, 2003. С. 42—55.
- Бјелетић 1996 — *Бјелетић М.* Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура. 1996. Број 1. С. 89—101.
- Болтарович 1994 — *Болтарович З. Є.* Українська народна медицина. Київ, 1994.
- Брысина, Кудряшова 2003 — *Брысина Е. В., Кудряшова Р. И.* Составные наименования растений в донских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. СПб., 2003. С. 269—274.

- Булашев 1909 — *Булашев Г. О.* Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования. Киев, 1909.
- Ганчарык 1927 — *Ганчарык М. М.* Беларускія назовы расьлін. Ч. 2 // Праца Навуковага таварыства па вывученню Беларусі. Т. 4. Горы-Горкі, 1927. С. 1—28.
- Демич 1889 — *Демич В. Ф.* Очерки русской народной медицины. Акушерство и гинекология у народа. Ч. 2. СПб., 1889.
- Дубровина 1999 — *Дубровина С. Ю.* Библейские сюжеты в народных легендах о растениях // *Живая старина*. 1999. № 2. С. 8—9.
- Зеленин 1995 — *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995.
- Иванова 2002 — *Иванова Р.* Култура на кризата — криза в културата. София, 2002.
- Калезич 2008 — *Калезич М.* Фитониматические заметки (1) (в печати).
- Кедрина 1912 — *Кедрина Р. Е.* Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством // *Этнографическое обозрение*. 1912. № 1/2. Кн. 92—93. С. 101—139.
- Колодюк 2006 — *Колодюк І.* Народна медицина у традиційній культурі українців Центрального Полісся (остання чверть ХХ — початок ХХІ ст.). Київ, 2006.
- Колосова 2005 — *Колосова В. Б.* Иван-да-Марья // *Buletin științific. Revistă de Etnografie, Științele și Muzeologie. Serie nouă. Etnografie. Chișinău*, 2005. Vol. 3 (16). С. 173—181.
- Колосова 2007 — *Колосова В. Б.* Ятрышник // *Антропологический форум*. 2007. № 6. С. 263—286.
- Колосова 2008 — *Колосова В. Б.* Антропони́мы в славянской фитонимике // *Антропологический форум*. 2008. № 9. С. 263—276.
- Коновалова 2000 — *Коновалова Н. И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
- Лукинова 1986 — *Лукинова Т. Б.* Лексика славянского язычества // *Этимология* 1984. М., 1986. С. 119—124.
- Никифоровский 1879 — *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.
- Носаль М., Носаль І. 1960 — *Носаль М. А., Носаль І. М.* Лікарські рослини і способи їх застосування в народі. Київ, 1960.
- Попов 2004 — *Попов Р.* Народная этимология и культ святых // *Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого (1923—1996)*. М., 2004. С. 131—137.
- Потанин 1899 — *Потанин Г.* Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // *Живая старина*. 1899. Вып. 1. С. 23—60; Вып. 2. С. 167—239.
- Родионова 2002 — *Родионова И. В.* Библейские мотивы в народных названиях растений // *Живая старина*. 2002. № 2 (34). С. 38—39.
- РС 2001 — *Раслінны свет. Тэматычны слоўнік*. Мінск, 2001.
- Русские дети 2006 — *Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия*. СПб., 2006.
- СД — *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2; 2004. Т. 3.*
- Сикимих 1996 — *Сикимих Б.* Еротске конотације фитонима у народним загонеткама // *Кодови словенских култура*. 1996. Број 1. С. 57—67.
- Софрић 1990 — *Софрић П.* Главније биље у народном веровању и предању код нас Срба. Београд, 1990.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. М.; Л.; СПб., 1965—.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* «Мужские» и «женские» деревья и дни в славянских народных представлениях // *Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М., 1995. С. 333—340.
- Усачева 2000 — *Усачева В. В.* Мифологические представления славян о происхождении растений // *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология*. М., 2000. С. 259—302.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.; М., 1996.
- Харитонов 1848 — *Харитонов А.* Врачевание, забавы и поверья крестьян Архангельской губернии, уездов: Шенкурского и Архангельского // *Отечественные записки*. 1848. № 5/6. Т. 58. Смесь. С. 1—24.
- Хатемкин 1900 — *Хатемкин А. Г.* Приворотные средства // *Киевская старина*. 1900. Т. 68. № 4. Апрель. С. 8—9.
- Цивьян 1991 — *Цивьян Т. В.* Оппозиция мужской/женский и ее классифицирующая роль в модели мира // *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*. СПб., 1991. С. 77—92.
- Чайкановић 1985 — *Чайкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева*. М., 1974—.
- Adamowski 1995 — *Adamowski J., Barmić-ski J., Niebrzegowska S.* Ptaki, zwierzęta i rośliny w relacjach gwarowych z okolic Biłgoraja // *Etnolingwistyka*. 1995. Т. 7. S. 135—178.
- Brückner 1970 — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

Budziszewska 1972 — *Budziszewska W.* Związki polsko-ruskie w zakresie terminologii botanicznej // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 1972. T. 11. S. 113—121.

Budziszewska 1993 — *Budziszewska W.* Z gyralskich nazw roślin (na tle porównawczym) // *Historia leków naturalnych IV*. Warszawa, 1993. S. 87—97.

Folfasiński 1975 — *Folfasiński S.* Polskie zagadki ludowe. Warszawa, 1975.

Henslowa 1977 — *Henslowa M.* Z badań nad wiedzą ludową o roślinach. II. *Thymus serpyllum L.* — *Macierzanka piaskowa*, III. *Ruta graveolens L.* — *Ruta zwyczajna* // *Slavia Antiqua*. 1977. T. 24. S. 163—212.

Kalinowska 1949 — *Kalinowska Z.* Polskie nazwy roślin dopisane w niemieckim Zielniku H. Bocka z r. 1587 // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. 1949. Vol. 4, № 5. Sectio E. S. 153—239.

Machek 1954 — *Machek V.* Česká a slovenská iména rostlin. Praha, 1954.

Myl 1999 — *Myl B.* Zioła w polskim językowym obrazie świata (Praca magisterska). Lublin, 1999.

Orzeszkowa 1888 — *Orzeszkowa E.* Ludzie i kwiaty nad Niemnem // *Wisła*. 1888. T. II. S. 1—15; 1891. T. V, z. II. S. 675—703.

Pawłowski 1974 — *Pawłowski E.* Polskie nazwy roślin. Pryba klasyfikacji semantycznej // *Studia indoeuropejskie*. 1974. S. 163—169. (Prace Komisji językoznawstwa. № 37).

Piškur 1965 — *Piškur M.* Pomenska analiza beside *baba* // *Jezik in slovstvo*. 1965. Št. 1. S. 6—15.

Rokossowska 1889 — *Rokossowska Z.* O świecie roślinnym wyobrażenia, wierzenia i podania ludu ruskiego na Wołyniu we wsi Jurkowszczyźnie pow. Zwiąhelskim // *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*. 1889. T. XIII. S. 163—199.

Rostański 1904 — *Rostański J.* Prowincjonalne polskie nazwy roślin XVIII w., z prus książęcych, głównie z rękopisu Andrzeja Helwinga. Kraków, 1904.

Seweryn — *Seweryn T.* Ikonografia etnograficzna // *Lud*. 1946. T. 37. S. 277—308; 1947. T. 38. S. 229—276; 1948—1951. T. 39. S. 291—354.

Słownik 1979 — *Słownik prastłowiański*. T. 3. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979.

Spólnik 1990 — *Spólnik A.* Nazwy polskich roślin do XVIII wieku. Ossolineum. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łydz, 1990.

Szot-Radziszewska 1999 — *Szot-Radziszewska E.* Roślina w etnograficznych publikacjach Władysława Siarkowskiego // *Historia leków naturalnych V. Materia pharmaceutica*. Warszawa, 1999. S. 106—127.

Szot-Radziszewska 2005 — *Szot-Radziszewska E.* Sekrety ziół. Wiedza ludowa, magia, obrzędy, leczenie. Warszawa, 2005.

М. МАЛОХА
(*Кельце, Польша*)

НАЗВАНИЯ ХТОНИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ФИТОНИМИИ

Фитонимы с компонентом-наименованием хтонического животного встречаются во всех славянских языках. Приблизительно одинаков и этнокультурный статус змеи, ужа, лягушки и мыши в традиционных культурах славян, однако наибольшее число соответствий объединяет восточнославянский ареал прежде всего с польским. В этой связи определенный интерес представляет место земноводных в фитонимических системах польского и восточнославянских языков, выявление приоритетных для номинации мотивационных моделей соответствий в плане семантики и коннотативных совпадений. Кроме того, уместно поставить вопрос и о заимствованиях в сфере ботанической номенклатуры этого ряда.

При выделении лексической тематической группы фитонимов, содержащих в качестве компонента название какого-либо хтонического животного, обращается внимание на особенности внешнего вида и места произрастания растений. Важными при номинации фитонимов являются такие признаки растения, как форма цветка, стебля, листьев. Одна и та же реалья может иметь несколько названий, всякий раз актуализируя разные мотивировочные признаки. Однако в данном случае немаловажную роль играет и культурологический фон, так как исследуемые фитонимы представляют собой одну из микросистем, в которой закреплен опыт практического и культурного освоения человеком окружающего пространства.

Названия растений сами по себе являются именами идентифицирующего типа, в связи с чем отличаются многоаспектностью семантики. «Из множест-